

ПЕРЕСТРОЙКА: ПОРА ДЕРЖАТЬ ОТВЕТ

— НЕТ, раньше никогда... Сама не знаю, как получилось. Выхожу — а бидоны стоят... Ну и решила взять. Хозяина-то нет... — запинаясь и с грудом подыскивая слова, говорит Галина Алексеевна Корнилова.

Она нервничает. Волнуется и Надежда Гавриловна Гущина: надо же, так не повезло.

Их задержали, когда, отработав смену, они направлялись домой. Шли вместе, начальник и подчиненный. Не просто работники комбината, а люди, призванные стоять на охране социалистической собственности в силу своего служебного долга. И несли краденое. Потому что у вещей, припрятанных в их сумках, хозяин все-таки был — комбинат. Шли стрелок отряда ВВО Г. А. Корнилова и ее непосредственный руководитель — начальник караула Н. Г. Гущина.

Из объяснительной Гущиной: «Где-то в 16 часов я пошла обходить территорию ПТНП и нашла сверток в белой бумаге, в котором находилась эмальированная посуда: два «холодка» и кастрюля с деколью. Я принесла эту посуду в караульное помещение. После смены в 20 часов собралась домой и решила захватить с собой найденную посуду...»

В ту же смену стоявшая с Гущиной на посту Корнилова «нашла два бидона, в одном три литра краски, в другом — ровно столько же олифы. «Взяла домой... Зачем? А как же? Хотела туалет покрасить, ванную».

Разумеется, когда они сдали дежурство и вышли через проходную, никто из контролеров охраны их проверить не стал — «свои».

В Орджоникидзевский РОВД, куда обеих охранниц пригласили для дачи объяснений, Гущина не забыла прихватить с собой документы, подтверждающие, что в своем коллективе она не на плохом счету. Красные картонные книжечки-удостоверения свидетельствовали: Гущина — победитель социалистического соревнования в честь 50-летия ММК, ударник коммунистического труда.

АННА Андреевна Перверзева — тоже передовик производства. Проработала в отряде ВВО комбината 26 лет. Достигнув пенсионного возраста, продолжает трудиться. Награждена медалью «За трудовую доблесть», неоднократно награждалась грамотами как победитель социалистического соревнования, тоже ударник коммунистического труда. Придя в редакцию, сказала: «Работать стало очень трудно. Против меня весь коллектив настроен в команде № 3». Помолчав, добавила: «Наверное, придется уходить с работы».

Но давайте ненадолго отложим разговор о жалобе Перверзевой. Поговорим о событиях, которые предшествовали ей, взяв за точку отсчета февраль 1986 года.

В одну из февральских смен контролера Н. Т. Цветковой к воротам центрального автопроезда (что возле первой проходной) подкатил микроавтобус. В нем — контролер (она же помощник начальника караула) Л. И. Лаврентьева и диспетчер охранной связи Л. Г. Майорова. За рулем — ее муж.

Автобус был загружен, и Цветкова попыталась проверить, что вывозят. Есть ли разрешение на вывоз груза? Словом, действовала по инструкции.

— Ты что, не узнаешь? Мы же свои, — отнесила ее в сторону Майорова. Водитель дал газ, и автобус выехал через проходную.

Сообщение об инциденте

легло на стол начальника ОПСС А. Л. Саламатова. Он занимался расследованием почти месяц. Подключен был и старший оперуполномоченный ОБХСС А. В. Писарев из Орджоникидзевского РОВД.

Из протокола рабочего собрания группы № 1 команды № 3 ВВО ММК от 7.02.86 г.:

«Слушали: о случае вывоза (приблизительно 60 кг) кокса без материального пропуска Лаврентьевой Л. И. при помощи Майоровой Л. Г. и Цветковой Н. Т. Постановили: Лаврентьевой Л. И., Майоровой Л. Г. и Цветковой Н. Т. поставить на вид — предупредить и усилить контроль за несением службы».

Всё разом разлетелось отве-

РОВОД Орджоникидзевского района А. В. Писарева.

— Каждый из фактов, названных в письмах Перверзевой и Цветковой, мы проверяли раньше, по горячим следам, — рассказал Александр Владимирович. — Как проверяли? Сейчас-то я уже всех подробностей не помню. Вот по коксу. Я побеседовал с охраной, побывал дома у Лаврентьевой. Конечно, с ее согласия. Нет, кроме кокса ничего не обнаружено. Сколько точно? Да примерно килограммов шестьдесят. Так и написали. Ну что это — мелочь... Какое же это уголовное дело? Получили ответ, что руководство охраны приняло дисциплинарные меры... Вскрест разлетелось отве-

твет заложен в повестке

двух: она продуманно расшаривала тему разговора, позволяя с заявления обиженного несправедливым подозрением Гринченко переключиться на «поведение» Цветковой и Перверзевой. И к ярлыку «жалобщицы» добавился еще один — «клеветники». Таким в команде не место.

Протокол собрания личного состава команды № 3 от 3.12.87 г.: «Пригласить: из парткома ММК — т. Лебедев Ю. К., из профкома ММК — т. Редин В. А., помощник директора комбината т. Турусов Л. В. Слушали: о морально-психологическом климате в команде № 3. Решение прежде: убрать контролеров Цветкову и Перверзеву из команды.

Вслед за постановлением собрания Ю. Е. Рудаков издает приказ о переводе их в другое подразделение отряда. Они не подчинились, заявив: «Без нашего согласия не имеете права». Чем опять-таки вызвали бурю негодова-

ния в родном коллективе: в военизированной команде каждый должен безоговорочно подчиняться приказу. (Это и по сей день — твердое убеждение многих.) Неважно, обосновано распоряжение начальства или нет, соответствует КЗоТу или не соответствует. Приказал — делай!»

Каждая из них, как положено по графику, выходила на работу. Каждой пришлось просидеть на своем посту по две смены, фактически отстраненной от дел. Пока, наконец, не пришел ответ на их письмо из юридического отдела комбината за подписью А. А. Рудченко: «На ваше заявление сообщаем:

1. Стрелок охраны В. Д. Красавин за появление на работе в нетрезвом состоянии привлечен к дисциплинарной ответственности приказом директора от 10.02.86 № 694/к.

2. Факт вывоза 60 кг кокса без материального пропуска... имел место... Контролер Лаврентьева Л. И. за совершение мелкого хищения лишена вознаграждения по итогам работы за год.

4. Имела место приписка рабочего времени в табелях учета, в результате чего переплачена т. Мысак Е. П. и Славгородской Г. М. сумма в размере 35 рублей 68 копеек. Ущерб ими возмещен.

5. По сообщению начальника ОБВО т. Рудакова Ю. Е. указание о вашем переводе... отменено.

КАЗАЛОСЬ БЫ, справедливость восторжествовала. Пусть запоздало, но все же меры приняты, о них объявлено. Вопрос вроде бы исчерпан. Но давайте посмотрим, что стоит за этим, на первый взгляд, подробным и обстоятельным письмом.

— Лаврентьева была лишена «тринадцатой» зарплаты, — сообщил Рудаков. — Красавин тоже наказан. Бабарыкиной указано на небрежность при составлении табелей учета рабочего времени. Приписка получилась случайно, по ошибке. Работники, упомянутые в письме из юротдела Славгородской и Мысак, отработали безвозмездно.

Иными словами, деньги, полученные незаконным путем, они не вернули в установленном порядке — в бухгалтерию комбината никак компенсацию не посту-

пало. Тогда о какой же «работке» вел речь начальник отряда? Дело в том, что в отряде не хватает людей. Выход нашли: стали разрешать работу по совместительству. В третьей команде девять человек. Только трое — стрелки. Кто же остальные шестеро? Назовем некоторые имена: сама лично совмещает у себя в команде должности начальника и контролера В. И. Бабарыкина. У нее успешно работают в подчинении (контролерами естественно) начальник бюро пропусков, секретарь парторганизации ОБВО Г. П. Заматорина, инспектор по кадрам отряда Г. М. Славгородская. Оформлена на вторую должность и начальник группы Е. П. Мысак.

В документах партии и правительства однозначно говорится о том, чтобы запретить работу по совместительству... на должностях, подчиненных, соподчиненных и подконтрольных одна другой.

То есть, если следовать букве закона, ни одна из вышеперечисленных руководителей не имеет права на подобное совмещение. А значит, зарплата, выплачиваемая им как контролерам — незаконно начисленные деньги.

— Мы об этом не знали, — говорит Славгородская. — Нам ни одна комиссия об этом не сказала.

Все табели учета составляет лично В. И. Бабарыкина. Щедрой рукой выводит цифры, для нее существует только один ограничитель — максимально разрешенная сумма часов выработки совместителя — 90 часов. Проставит часы — пересчитает: лишь бы не было больше. Ни ее, ни Славгородскую, ни Рудакова не пугает, что рабочий день «совместителей» периодически принимает вредные для здоровья размеры. У Бабарыкиной, к примеру смена может продолжаться по 17—18 часов, иногда и до 20 подкакивает.

Что же сочли за приписку проверяющие? Да просто немного перестарались в команде. Не соблюли заветную цифру — 90. За это и полатились.

Правда, остается под большим вопросом, была ли произведена компенсация даже в той сомнительной и опять-таки противоречащей закону форме, как утверждает Рудаков: Славгородская и Мысак отдежурили бесплатно на посту. Как совместители. Но тут уже приходится принимать его слова на веру.

Что касается книги регистрации материальных ценностей, изъятых командой № 3 в 1985 году, ее действительно уничтожили. Почему? «Не знаю, — говорит Бабарыкина. — Наверное, по указанию Рудакова». «А кому она нужна?» — удивляется Юрий Егорович.

И ни один из представителей администрации отряда не смог вразумительно объяснить, как и сколько лет должна храниться эта документация.

ВО ВСЕЙ этой истории настораживало, с каким рвением взял под защиту коллектив команды № 3 людей, совершивших неблагоприятный поступок. С не меньшей, а пожалуй с большей настойчивостью отторгала тех, кто придал факты огласке.

— Ни Лаврентьеву, ни Майорову из команды убирать не будем, — решительно заявила Бабарыкина, — Девочки ошиблись. А работают они хорошо. Если кому-то не нравится, пусть сам и уходит.

Пусть уходит — это о Перверзевой. Но ведь она тоже хороший работник, опытный, принципиальный. «Ни одного нарушителя не проглядит», — вынуждены были признать в команде. Почему же такая альтернатива?

— Да потому, что она все нервы людям вымотала! — взорвалась контролер В. С. Кравцова. — Чего добивается? Чего не сидит тихо? Сидела бы спокойно — не нашла бы столько болезней! А теперь как в колхоз ехать — то у нее с сердцем плохо, то нервы... Не пиши — будут нервы крепче.

— А Цветкова? — До этого письма мы считали ее порядочным человеком, — помолчав, ответила контролер З. И. Андоськина.

Эта коротенькая фраза на многое проливает свет. В ней — четкая формулировка критерия порядочности, прочно усвоенная многими в третьей команде. Порядочно — молчать. Неморально — выносить сор из избы. Отгороженные от всех прочих барьером должностных инструкций и положением полувоенной организации, они свято берегут «честь мундира». Своровал — ну что же, бывает. Зато лишнего не болтает. Нервы людям не портит.

«Да полноте! — утверждает сейчас в команде № 3, — а была ли вообще кража, совершенная Лаврентьевой при содействии коммуниста Майоровой? Просто Лаврентьева нашла этот злополучный кокс».

— Где она могла его найти? — Да мало ли у нас на комбинате добра валяется на дорогах, — вздыхает член КПСС, народный заседатель Орджоникидзевского районного народного суда В. И. Бабарыкина.

Как видим, объяснение не блещет новизной. А вот контролеру Пашковской и искать не потребовалось. Электрик механического цеха Кайгородов сам принес ей новенький комплект спецодежды прямо в проходную, где она его и задержала из-за отсутствия материального пропуска. Спецодежду, как водится в таких случаях, Пашковская изъясилась. И унесла домой. Около месяца обивал пороги Кайгородов, пытаясь вернуть комплект назад. Пока, наконец, не дошел до руководства охраны. Пока на собрании не провели опознавание расхитителя, одетого в синюю форму. Вывод: Пашковской объявить выговор и пятьдесят процентов премии — долгой...

В документах правительства выдана необходимость усилить требовательность к работникам охраны, исключить прием в охрану лиц, ранее судимых за совершение корыстных преступлений; решительно освобождаться от лиц, не отвечающих требованиям, предъявляемым к работникам охраны.

20.08.87 г. был издан приказ по Минчермету за подписью министра черной металлургии Колпакова, в приложении к которому содержится перечень требований к работникам охраны.

Только вот вопрос: кого же в команде № 3 ВВО комбината сочтут «не отвечающим предъявляемым требованиям»?

В. БЫСТРОВА.

ЗОНА

Л. Г. Майорова — коммунист. Принята в партию в 1985 году. Как оценила парторганизация проступок молодого партийца? А никак. Удовлетворились объяснением Майоровой: «Не знала, чем возьму. Попросили помочь — я и помогла...»

— Не трогайте девочек, им и так досталось, — сказала мне секретарь парторганизации ОБВО Г. П. Заматорина.

Постепенно разговоры вокруг происшествия смолкли. Внешне все выглядело так: поговорили — и забыли.

Но были и недовольные. Воевала за восстановление справедливости Цветкова — шутка ли, неожиданно для себя попала в соучастники. «Бушевала» Перверзева. Мер не приняли, хищение скрыли, человека похода обогнали! Порядка в охране нет, куда начальство смотрит?

И полетели по разным инстанциям жалобы.

ПЕРЕВЕРЗЕВА и Цветкова и не собирались делать секрета, что хотят написать «в верха». Смело ставили свои подписи. «Трезвоили» на всю команду о неизбежном возмездии всем и всяческим нарушителям.

Забегая вперед, скажу, что в некотором роде итогом развернувшейся «битвы» стало увольнение Цветковой по собственному желанию и в связи с достижением пенсионного возраста. Несмотря на дефицит кадров, удерживать ее не стали.

Из письма А. А. Перверзевой и Н. Т. Цветковой: «Мы поставлены на посты, чтобы государственное имущество не разбазаривалось. А наши работники, пользуясь своим положением, сами занимают их хищениями...»

Приводились такие факты. Начальником команды № 3 В. И. Бабарыкиной уничтожена книга регистрации изъятых у нарушителей материальных ценностей за 1985 год, хотя храниться она должна, по мнению контролеров, не менее трех лет. Зачем? С территории комбината не без содействия все той же Бабарыкиной вывезен двигатель для легкового автомобиля. В табелях учета рабочего времени допускаются приписки.

«Для верности» Перверзева и Цветкова отправили это письмо сразу в несколько адресов: в редакции журнала «Человек и закон», газеты «Труд», Челябинский обком партии.

Преодолев многочисленные официальные ступени, все письма сошлись в одной точке: в папке с деловыми бумагами старшего оперуполномоченного ОБХСС

МОЛЧАНИЯ

ты, составленные на основе проведенного Саламатовым и Писаревым расследования. И пока они карабкались «вверх» обратным порядком, события в третьей команде шли своим чередом.

Из протокола № 10 профсоюзного собрания группы № 1 команды № 3 ОБВО ММК от 23. 10.86 г.:

«Слушали: 1. Заявление контролера Гринченко В. Т. Перверзева оскорбила его, назвав пьяным, он был вынужден освидетельствоваться в медсанчасти ММК. Заключение — трезв. 2. О поведении тт. Цветковой Н. Т. и Перверзевой А. А. Постановили: ходатайствовать перед администрацией, партийной и профсоюзной организациями о перемещении А. А. Перверзевой и Н. Т. Цветковой в другое подразделение отряда».

Капризы судьбы: председателем на этом собрании была Л. Г. Майорова, секретарем — Л. И. Лаврентьева.

— Это тоже случилось в прошлом году, — рассказала А. А. Перверзева. — Стрелок Красавин вышел на работу нетрезвым. Показалось, что и Гринченко тоже «навеселе». Об этом, как и положено, мы доложили начальнику караула Черепановой, и она распорядилась отправить их на освидетельствование. Красавин действительно был пьян, а Гринченко — нет.

— НЕТ, не редкость в команде, да и в отряде подобные инциденты. Через медицинское освидетельствование «проходила» и сама Перверзева, когда одна из затерянных заявила, что контролер «выпил». Тогда ее поручили сопроводить в медсанчасть Лаврентьевой, объяснив: порядок есть порядок. И потому не будем давать моральную оценку поступку Анны Андреевны. Воздержимся, чтобы не подорвать порядка».

Примечательно другое. В случае с Гринченко этот жестко установленный и равный для всех порядок сработал таким перевертышем: для одних — правильно и морально. Для других — унижение.

Возникла конфликтная ситуация, которую администрация команды и отряда и не пыталась сгладить, решить мирным путем без громкого разбирательства. Почему?